

УДК 008

Рышард Радзик

**МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ: ИСТОРИЧЕСКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Статья посвящена историко-культурным предпосылкам появления четырех обществ – польского, российского, украинского и белорусского на протяжении двух последних веков в культурном (религиозном) измерении, структурном (классово-слоевом) измерении, а также в измерении власти (функционирования государственных институтов). Последствия былых предпосылок заметны сегодня в повседневном поведении членов анализируемых сообществ, в прочности их общности, эффективности управления экономикой и построении государственных структур после смены общественного строя.

Ключевые слова: идентичность, ментальность, восточные славяне, поляки.

Radzik R.

**BETWEEN RUSSIA AND POLAND: CULTURAL AND HISTORICAL CONDITIONS
OF THE DEVELOPMENT OF CENTRAL AND EASTERN EUROPEAN SOCIETIES**

The paper deals with the historical and cultural factors conditioning the emergence of Polish, Russian, Ukrainian and Belarusian societies within the two last centuries on the level of culture (religion), structure (classes and layers) and power (the functioning of state institutions). The consequences of the past conditions can be observed in the everyday actions of the members of the societies discussed: the level of their communion, the efficiency of economic management, and state building after the fall of Communism.

Key words: identity, mentality, East Slavs, Poles.

Радзік Р.

**МІЖ РОСІЄЮ ТА ПОЛЬЩЕЮ: ІСТОРИЧНО-КУЛЬТУРНІ ПЕРЕДУМОВИ
ФОРМУВАННЯ СУСПІЛЬСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЇ І СХІДНОЇ ЄВРОПИ**

Стаття присвячена історико-культурним передумовам виникнення чотирьох суспільств – польського, російського, українського та білоруського впродовж двох останніх сторіч у культурному (релігійному) вимірі, структурному (класово-прошарковому) вимірі, а також у вимірі влади (функціонування державних інституцій). Наслідки колишніх передумов помітні сьогодні в повсякденній поведінці членів аналізованих суспільств, у міцності їх спільноти, ефективності управління економікою, побудові державних структур після зміни суспільного устрою.

Ключові слова: ідентичність, ментальність, східні слов'яни, поляки.

Данные рассуждения не посвящены характеристике идентичности или ментальности обществ описываемого региона Европы, но указывают прежде всего на исторически обусловленные различия между контекстами их возникновения, особенно в их культурном (религиозном) измерении, структурном (классово-слоевом) измерении, а также в измерении функционирования государственных институтов (власти). Внимание автора данной статьи сосредоточено прежде всего на последних двух столетиях, поскольку именно в этот период в Европе, в том числе в интересующей нас части континента, происходило формирование современных обществ, наций. Польский и русский народы принадлежали тогда (и далее принадлежат) к разным культурным ареалам и имели полностью сформированную высокую культуру и элиты, хотя раздел Речи Посполитой и отнял у поляков собственные государственные институты. В иной ситуации находились в то время украинцы и белорусы, которые со временем пытались достичь субъектности, независимо от того, каким было ее понимание. Для белорусов это был период перехода из статуса составной части западной (латинской) цивилизации в статус элемента российской (общерусской, православной) цивилизации. В случае украинцев ситуация была более сложной ввиду того, что раньше украинские земли были разделены между Речью Посполитой и Россией, а часть этой территории вследствие первого раздела Речи Посполитой вошла в состав Габсбургской монархии.

Понятия идентичности и ментальности отличаются, хотя отчасти их содержание совпадает. Идентичность является комплексом качеств, определяющих наше место в группе, членами которой мы являемся – как тех качеств, которые определяют нашу исключительность, индивидуальную специфику, в том числе в неконформистском измерении, так и тех, которые мы разделяем с другими членами группы, которые нас с ней объединяют. Ментальность же, в свою очередь, в намного меньшей степени связана с ответом

на вопрос «кем я являюсь?», а сосредоточена на вопросах, касающихся воззрений и позиций, в том числе поведения и типов реакции. Ее источники лежат в сфере интериоризированных ценностей, социальных норм, образцов поведения, а значит – как и в случае идентичности – в сфере широко понимаемой культуры, укорененной в истории традиции. Как идентичность, так и ментальность имеют индивидуальное и коллективное измерения. Второе из них является скорее теоретическим построением, проявлением склонности исследователей к типологизации социальных феноменов, чем онтической реальностью. Ментальность можно также некоторым образом считать составной частью идентичности, особенно в тех ее фрагментах, которые являются элементами культуры, осознаваемыми индивидуумами и социальными группами и имеющими выраженное эмоциональное измерение, которое создает общностные отсылки. Ментальность только отчасти можно считать результатом, простым следствием идентичностных отсылок. То, кем мы являемся, может проявляться (в способах мышления и – особенно – в поведении) различным образом. Примером являются чехи и поляки, имеющие полностью сформированную национальную идентичность, а вместе с тем настолько по-разному реагирующие на ситуации национального напряжения.

1. Культура

Среди аспектов, определяющих обособленность двух европейских культурных ареалов – западного и российского (общерусского), наиболее часто указывают религию: с одной стороны, римо-католическое вероисповедание и протестантизм, с другой – православие. Великие религии на протяжении тысячелетий конструировали различные системы ценностей, а следовательно, культурные целостности – не только на уровне сакрального, но и на уровне профанного. Несмотря на то, что поляки идентифицируются с католицизмом, а русские с православием, обе конфессии выполняли (выполняют) в анализируемых случаях явно различные функции¹. Католицизм – как в римской, так и в византийской версии – распространялся среди жителей I Речи Посполитой после Брестской унии вместе с постепенным угасанием православия, а позже, в эпоху формирования современных национальных движений, отделял суживающийся в этническом отношении и лишенный государственности польский народ от православных русских и протестантских немцев (пруссиков). Со временем на уровне макросоциальных структур римо-католицизм был – если упростить – национализирован (в сакральном измерении он функционирует главным образом на уровне индивидуальном и приходском). Если кто-то был (или является) поляком – значит, он католик, а не наоборот. Из бывшей Речи Посполитой иные в этническом отношении литовцы поляками быть не желали, и Пилсудский, очерчивая границы Второй Речи Посполитой, принял как должное национально-государственную обособленность Литвы. Из западных славян словаки и в намного меньшей степени исповедующие католицизм чехи также не воспринимались своими северными соседями как поляки и, конечно же, сами себя ими не считали (то, что на тронах в Чехии и Венгрии восседали когда-то короли из династии Ягеллонов, не имело здесь никакого значения). Католицизм снабдил поляков ценностями, определяющими их культурную принадлежность, но не придал создаваемой общности сакрального характера, как это произошло в русском православии.

Обе функции, выполняемые религиями – разграничивающая и создающая характер общности – отличали православие от католицизма. В восточнославянских обществах православие было однозначно идентифицировано с рускостью (понимаемой в этом контексте как общерусскость), и Петербургу в XIX веке удалось навязать массам православного украинского и белорусского населения бывшей Речи Посполитой (после их вынужденного перехода в православие) мышление в категориях: я православный, то есть русский². Эта русскость должна была объединять три ветви общерусского народа: великороссов, малороссов (украинцев) и белорусов. Таким образом была создана концепция «триединого русского народа» [9]. В то время, как в Католической церкви были возможны национальные сепаратизмы, подчиненная российским властям Православная церковь не допускала такого рода действий, поэтому православные священники (в отличие хотя бы от литовских римо-католических священников и украинского греко-католического духовенства в Галиции) никогда не выполняли в украинском и белорусском обществе роли «национальных будителей». Если смотреть на описываемые процессы сквозь призму возможности национальной эмансипации украинцев и белорусов, то Православная церковь сыграла в ней явно отрицательную роль. Зависимая от политических властей (царя), она в значительной степени являлась продолжением его светской власти и служила государственным интересам в понимании того времени. Эта функция, не столько разграничивающая восточных славян, сколько объединяющая их в рамках одной общности, которую в Петербурге называли народной, была тесно связана с другой – составляющей ее характер. В случае славян-русских³ ее результатом было сакральное измерение восточнославянского сообщества. Чтобы указать причины этого явления, нужно обратиться к истории.

¹ Социальные контексты православия я шире рассматриваю в своей книге [8, с. 87–113].

² После январского восстания 1863 г. католиков было принято считать поляками.

³ О сложностях, связанных с разграничением понятий «россиянин» и «русский», пишет О. Надскакула [7, с. 106–109].

Киевская Русь возникла в результате завоевания восточнославянских племен варягами (скандинавскими викингами), проложившими путь в Византию (Константинополь). После принятия в 988 году христианства восточного обряда, а вместе с ним глаголицы и древнемакедонского (церковнославянского) языка этот язык и письменность на нем распространились среди славян, норманнов, а затем и среди других многочисленных народов (особенно угро-финских соседей), следствием чего была унификация страны. Религия навязывала алфавит (ранее чаще всего неизвестный этим народам), а в результате язык, и стала элементом, конституирующим культурную обособленность этой части Европы. Термин «Русь» (первоначально, вероятно, скандинавского происхождения) со временем как понятие стал идентифицироваться с православием. Он имел не этническое (а тем более национальное) измерение, а прежде всего церковное. Такое понимание русскости распространилось особенно благодаря идее Третьего Рима, возникшей после падения Константинополя. Понятие Святой Руси (возвращающееся в путинской России и распространяемое по политическим причинам ввиду негативного звучания всего, что ассоциируется с Киевом) было в Европе исключением. Идея Третьего Рима снабдила русскую культуру мессианским измерением, придала русскости сакральный характер, упрочившийся в тот период, когда Западная Европа стала, начиная с эпохи Возрождения, постепенно секуляризоваться⁴. Так понимаемую русскость, которая в дальнейшем расширилась, согласно намерениям русских, за счет украинцев и беларусов, и понималась как «общерусский народ», Ален Безансон и Микола Рябчук сравнивают с мусульманской уммой [3; 10]. Православие не создавало нации в ее западном понимании, а придавало сообществу сверхэтнический характер. Следствием этих процессов было возникновение в царской России XIX века категории инородцев (иноплеменников), которыми считали, в частности, польских славян-католиков и которыми не были украинцы и беларусы – тоже славяне, но православные.

Когда не имеющие полной социальной структуры чехи, чьи элиты после битвы на Белой Горе (1620) подверглись германизации, прибывали в XIX веке (особенно начиная с середины века) в значительно германизированные города, они встречались там с уже явно сформированными категориями (идеями) модерной нации и в ситуации все еще существующих традиций чешско-немецкого конфликта (в культурном, религиозном и политическом измерении) создали собственную национальную общность, базирующуюся на языке. Во второй половине XIX века уже существовала сформированная чешская нация, что было возможно также благодаря либеральной политике властей, существующей чешской системе образования, относительно высокой зажиточности страны, ее быстрой урбанизации и индустриализации. Процессы построения нации имели у чехов прежде всего характер инициатив снизу. Подобные процессы происходили у поляков, хотя процесс принятия польскими крестьянами национальной идентичности наступил позже ввиду экономической отсталости страны и всеобщей безграмотности, особенно под российской властью. Существующие польские элиты (шляхта и интеллигенция) создали модерную национальную идеологию, литературу, а крестьяне принимали ее перед возникновением Второй Речи Посполитой в результате иницируемых снизу процессов и стремления к продвижению по социальной (культурной) лестнице. Следствием этого было переформирование идентичности широких народных масс, ее модернизация и активизация, основанная на принадлежности к новому типу сообщества этоса, на собственности, достижении субъектности, расширяющейся сфере индивидуализма и свободы, а также на построении горизонтальных и слабых вертикальных связей – как в чешском, так и в польском случае (ввиду отсутствия государственности).

Иначе было на беларуско-украинской территории, где население принимало в XIX веке категории русскости. Сконструированная русскими идея (общность) не предусматривала интенсивной активности, направленной снизу вверх, сами украинцы, а еще в большей степени беларусы, не имели собственных национальных развитых элит, а деспотическое российское государство отличалось абсолютным преобладанием вертикальных связей, коллективистской культурой и цезаропапистской моделью власти. Православие, согласно с его пониманием русскими, идентифицировалось с русскостью, которая явно отличалась от «латинского народа», выростала из сакрализованного мира феодальных сообществ со все еще существующей системой совместно хозяйствующих сельских общин, практикой подчинения и вынужденной лояльности, унаследованной от Византии и являющейся следствием татарского абсолютного господства, а также межчеловеческими отношениями, которые не вырастали из традиций рыцарской чести (что на уровне элит все еще было заметно в Польше) и мещанской точности и доверия, которые, в свою очередь, наблюдались в более урбанизированной западной части континента. Беларуские и украинские крестьяне, которые переезжали в XIX – начале XX века в русскоязычные города, где большинство населения составляли евреи,

⁴ «Миссия России, – утверждает Николай Бердяев, – быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия. Это призвание религиозное. «Русские» определяются «православием». Россия единственное православное царство и в этом смысле царство вселенское, подобно первому и второму Риму. На этой почве происходила острая национализация православной церкви. Православие оказалось русской верой. В духовных стихах Русь – вселенная, русский царь – царь над царями, Иерусалим та же Русь, Русь там, где истина веры. Русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величием русского государства, с исключительным значением русского царя. Империалистический соблазн входит в мессианское сознание» [1, с. 37].

русские и поляки, в слабо урбанизированной стране, как правило, не имели дела с этнически своей развитой высокой культурой и основанными на ней национальными движениями. Они русифицировались в языковом отношении, перенося из села видение локальных миров, основанных на уровне первичных групп, с явными рудиментами патриархально-родовой ментальности.

Это замыкание на уровне малых, семейно-товарищеских групп со временем способствовало распространению в анализируемых обществах советскости, которая на идеологическом уровне (как раз крестьянству очень чуждом) воспринималась как что-то внешнее, театральное, как мир власти, с которым нужно уживаться так же, как прежде с миром помещиков (помещицких усадеб) – несмотря на то, что оба мира обходились с ними жестоко (особенно советский в 1930–1940-х годах с их периодическим голодом), но по своему социальному расположению находились отчасти как бы выше села, выше их. Русская общность размывала существующие в ее рамках этнические разделы, была управляема сверху, отличалась системой вертикальных зависимостей, слабыми горизонтальными связями, выходящими за рамки локализмов, и была более закрыта на внешние реалии, чем западнохристианский культурный ареал, а благодаря богатому фольклору сельского сообщества менее предрасположена к идеологической связи (национального типа), чем это было в той же Польше, где дохристианский фольклор был раньше в значительной степени уничтожен Католической церковью. Этот тип русскости не был известен в греко-католической Галиции, поэтому украинское национальное движение развивалось прежде всего в австрийском государстве, а затем в Польше межвоенного периода, в отличие от советской Украины, где в 30-е годы миллионы населения умирали от искусственно вызванного голода. Под влиянием Галиции украинская национальная идентичность в межвоенный период распространилась на Волыни, постепенно вытесняя общерусскость как продолжение русскости.

Не обретшее национальной идентичности (и до конца существования царской России в большинстве своем неграмотное) население украинских и белорусских деревень в советские времена – особенно после Второй мировой войны – начало массово переезжать в города, рурализуя их, и в довольно скором времени начало составлять в них большинство жителей. В то время как в Центральной и Западной Европе победила нация как общность, модернизирующая и динамизирующая общества той части континента, на восточнославянской территории в СССР на общерусскую общность наложилась советскость, хотя некоторые рудименты западнохристианского культурного ареала сохранились на белорусских землях и части украинских. Крестьяне за царя не имели национальной идентичности и редко могли ее получить в советских городах во времена, когда после Второй мировой войны победила концепция советского сообщества – «советского народа». В Белорусской ССР полное одобрение жизни в советском государстве сопровождалось распространением советской идентичности, языковой русификацией городов, мышлением о себе – как и в других частях СССР – «я – советский человек»⁵. В Украинской ССР, имеющей чувство собственной истории, гордости за большую страну, ситуация была более сложной. Население западной части республики было украиноязычным и имело полностью сформированную национальную идентичность; в культуре, навыках, ментальности и позициях населения центральной части страны сохранялись некоторые следы давней принадлежности к государству западнохристианской культуры, тогда как население востока и юга страны вполне отвечало критериям русскости. Религиозность на этих территориях была тем выше, а проевропейские тенденции тем выразительнее, чем дальше эти земли входили в состав европейских государств (Речи Посполитой и Австрии) – несмотря на существующие в их рамках конфликты, что, впрочем, было результатом их более-менее либерального и демократического (по тем временам) характера. Как в Беларуси, так и в Украине сельские жители по большей части сохранили верность своему языку, зато города (за исключением Западной Украины) подверглись русификации. Города на востоке и юге Украины в целом обрусели больше, чем в Беларуси (Киев был более динамичен в сравнении с белорусским Минском в отношении как русского, так и украинского языка). В этой ситуации национальная белорусскость и украинскость имела/имеет преимущественно деревенские корни.

Национальная идентичность в Беларуси вполне развита в относительно немногочисленных городских кругах, как правило, настроенных оппозиционно к действующей власти, однозначно проевропейских, популяризирующих западную систему ценностей и общности, что противоречит пророссийской (и прорусской) ориентации большей части общества, в том числе прежде всего властей. В Украине, если не принимать во внимание уже давно национально сформировавшуюся западную часть страны, национальные тенденции усиливаются в последний период особенно в центральной части, особенно после событий Майдана 2014 года. Необходимо отчетливо подчеркнуть, что формирование европейского (латинского) типа нации среди украинцев и белорусов придает им субъектность, разбивает общерусское единство, а следовательно, вызывает резкий протест России. В некоторых кругах российского общества, особенно городских, например, в Петербурге и Москве, возникают движения, имитирующие внешние формы евро-

⁵ «Советские студенты-медики, изучающие латынь, – пишет Михаил Геллер, – начинают занятия с фразы: *Homo sovieticus sum* – я советский человек. Будущие врачи на первом курсе, с первых же шагов в медицине узнают, что есть два вида человека: *гомо сапиенс* и *гомо советикус*» [2, с. 25].

пейских национализмов. И все же, они больше напоминают великорусский (общерусский) шовинизм, чем национализмы западного типа.

В советский период продолжала свое существование категория общерусскости, на которую накладывались в региональном измерении часто трактуемые вненационально категории украинскости и беларусскости. В ситуации атеизации советского общества православие стало главным образом определителем цивилизационной обособленности. Как раз таким был контекст высказывания президента Лукашенко, утверждавшего, что он является советским человеком и православным атеистом. Общерусская общность, переживающая в Украине сотрясения после событий Майдана 2014 года и, как нам кажется, теряющая влияние особенно в центральной части страны, не воспринимается украинцами, а тем более беларусами в сакральных категориях, как это имеет место у русских.

Сакральное измерение общерусскости возрождается в России, но уже имеет отчасти контекст внерелигиозной, внебожественной, светской святости и вырастает из чувства величия русской культуры, государства, литературы... Это феномен, в принципе, неизвестный на Западе. Его сопровождает сильное метафизическое измерение русской православной культуры, более сильное в Москве, чем в Киеве и Минске. На этих традициях все еще строится ментальность русских, в меньшей степени украинцев и беларусов, которые жили в границах российского государства на протяжении всего лишь двух столетий (если не принимать во внимание украинское Левобережье) и за такое короткое время не смогли усвоить все богатство русской культуры, в том числе духовности.

2. Классово-слоевые структуры

Идентичности, что очевидно, имеют явные классовые обусловленности (различия). Те фрагменты идеологизированных идентичностей, которые на протяжении последних двух столетий объединяли целые общества в сильные (как правило, национальные) сообщества, распространялись при помощи идеологий, творцами которых обычно были высшие классы (слои), элиты государства. Коммунистический режим уничтожил эти элиты сначала в Советском Союзе, а затем в Польше. В Центрально-Восточной Европе последствия идей и практик, задуманных в Петрограде (Ленинграде) и Москве, в социальном (культурном, экономическом, политическом) отношении были и до сегодня остаются чрезвычайно серьезными. Это очень остро ощущают поляки, еще сильнее русские, а особенно болезненно украинцы и беларусы. На этой территории состоялась ярко выраженная плебизация высокой культуры, ослабилась роль ценностей долга, сверхпартикулярного этоса, провозглашающего лозунги, выходящие за рамки ежедневного бытия и материи, позиций, несущих идеи порядочности, честности, истины. Произошла фрагментаризация структур, в рамках которых когда-то процессы самоорганизации и инициативы снизу сопровождались централизованным построением институтов, укрепляющих общности в имя индивидуальных и коллективных свобод.

Поучительными для представленной здесь проблематики могут оказаться размышления Рэндалла Коллинза, касающиеся культуры и этоса разных социальных классов, в том числе прежде всего рабочего класса (который в описываемых здесь странах формировался в XX веке из выходцев из сельской местности). Таким образом, значительная часть этих замечаний касается – независимо от намерений автора – обществ нашей части континента, в том числе прежде всего Восточной Европы. Их связь с классовой ментальностью является очевидной. Коллинз пишет о профессиональной культуре людей, «которые имеют относительно постоянную работу в низших секторах экономики. Это почти исключительно подчиненные. Поскольку они не имеют возможности отдавать распоряжения от имени организации, они не идентифицируют себя с ней. Часто они противопоставляют себя организации, например, в форме рассеянного равнодушия в отношении норм, навязываемых руководителями. Культура рабочего класса локалистская⁶, циничная и ориентирована на настоящее. Пребывание вне каналов коммуникации в организации и сознание того, что начальство контролирует информацию для оправдания и маскировки своей доминации, являются причиной того, что рабочие смотрят на мир сквозь крайне личную призму.

Абстрактная риторика их более космополитических руководителей вызывает отсутствие доверия. Надежной считается информация, которая касается людей из круга личных знакомых. Перцепция рабочих охватывает только то, что физически доступно им или их знакомым. Рабочие склонны ограничивать свои социальные контакты сферой семьи и друзей детства. Космополитизм среднего класса, проявляющийся, в частности, вовлечением в деятельность политических, общественных или благотворительных организаций, практически не встречается в случае рабочего класса. (...). Рабочие, как и представители иных классов, наиболее высоко ставят ценности, пригодные в жизненных ситуациях. В этом случае они включают: физическую выносливость, верность друзьям, смелость и сдержанность относительно чужих и руковод-

⁶ Примечание польского переводчика статьи Коллинза: «Термины “локалистский” (localistic) и “космополитический”, при помощи которых Коллинз описывает определенные типы социальных позиций или отношений, имеют долгую традицию. Их предложил К. К. Циммерман в переводе тённисовского разграничения между *Gemeinschaft* (локалистским) и *Gesellschaft* (космополитическим), а позже использовал Р. К. Мертон, который таким образом обозначал два отдельных типа влиятельных людей» [5, с. 495].

ства. Как утверждает Беннет Бергер, ценности обычно имеют самопрославляющий (*self-congratulatory*) характер.

Рабочий этос воспринимает жизнь как сложную и непредвиденную и делает невозможным планирование в более дальней перспективе. Нужно ловить момент и пользоваться жизнью, когда это возможно, и переживать неизбежные периоды лишений. В каждом из этих аспектов культура промышленного рабочего класса близка культуре крестьян и сельских работников. Веберовский исторический анализ приписывал обоим этим группам религиозность, «приспособленную к миру». Моралистические и аскетические религии никогда не пользовались успехом в этих общностях, зато популярными были те, которые регулярные и повторяемые элементы человеческой жизни почитали игровой деятельностью» [5, с. 492–493]. Эти черты заметно близки не только крестьянско-рабочей части европейских обществ, но и особенно тем из них (как целому) в нашей части континента, которые имеют практически исключительно крестьянские корни, как это имеет место, например, в случае белорусов, которые вошли в период независимости прямо-таки с культом своего крестьянского происхождения. В обществах, которые в результате советизации утратили свои элиты, эти черты распространились в тех кругах, которые создавались поднимающимися по социальной лестнице рабочими и крестьянами.

На смену утраченным элитам на восточнославянском пространстве пришли слои, которые можно называть чиновническо-интеллектуальными, в более редких случаях интеллигентскими. В Польше – где во время Второй мировой войны немецкий и советский режимы истребили часть элит, а то, что осталось, после войны было уничтожено если не физически, то как социальный слой – возникла лишенная преемственности многих поколений и явно этатизированная «новая интеллигенция», которая после краха коммунистического режима нередко отказывается от идеалов интеллигенции в пользу более ей близких, потому как выводящихся из родной традиции, материальных ценностей. Постепенно она превращается в средний класс. Польскую художественную литературу до Первой мировой войны творили на наивысшем уровне почти исключительно представители шляхетского сословия, да и позже наиболее выдающиеся ее творцы (за исключением части скамандритов) были выходцами из этого малочисленного меньшинства (как, например, Гомбрович, Ивашкевич, Милош) – но это явление по очевидной причине времени рождения полностью отжило в современной Польше с заметными последствиями для качества польской литературы. Сельское население, массово переезжающее после войны в польские города, отказывалось, что вполне понятно, от значительной части своей предыдущей культуры, которая отличалась согласованной системой ценностей, в том числе типичными социальными связями, и была функциональной перед лицом вызовов сельского мира. Однако в течении довольно короткого периода (наибольший приток сельского населения в города имел место в 70-е годы) оно не успело создать новой сильной городской культуры, которая воздвигла бы барьеры, защищающие от стремительно хлынувшей с Запада после 1989 года массовой культуры, ориентированной на культ потребления. Следствием этого является более быстрая, чем можно было бы ожидать в условиях более стабильной в культурном аспекте классово-слоевой системы, дезинтеграция социальных связей и фрагментаризация структур. Это явление сопровождается заметным ослаблением тех элементов идентичности польского общества, которые создавали начиная с конца XIX века его сильную национальную общность (католицизма, историческое самосознание, литературное измерение польскости). Тем не менее, остатки конструкции современного польского общества на протяжении двух последних веков все еще заметны в реалиях определенных социальных структур на уровне более или менее различных функций отдельных ее элементов. Таким образом, по сей день, хотя и в намного меньшей степени, чем раньше, поляки в своих национальных отсылках являются – если упростить – шляхтичами (интеллигентами шляхетского происхождения), ориентированными на инсurreкционизм и мышление в категориях этоса, на преобладание сферы духа (идей) и свобод на материей, а в то же время в классовом отношении и далее остаются крестьянами, рабочими и т. д.

Эта дихотомия несравнимо слабее в украинском, а еще более в белорусском обществе. В то же время в православных общностях этой части континента разрыв (социальная дистанция) между элитами и народом традиционно является намного большим, чем на латинском Западе, а значение элит в обществе более высоко, что отчасти является следствием относительно незначительного уровня субъектности масс и значения власти как мощного фактора структуризации, иерархизации общества. Российская власть (желающая сохранить единство общерусской общности), а затем советская власть (также опасаящаяся национально-освободительных движений и стремящаяся создать русскоязычный «советский народ») не допускала (за исключением так называемой «коренизации» в 20-е годы XX века) развития украинского и белорусского национальных движений и идущих за ними значительно образованных сообществ. Следствием этого была подчиненность Москве (слабое чувство автономности, отсутствие мощной этосной, общностной подпоры) паражосударственных (республиканских) структур, несформированность (за исключением Западной Украины) сильно встроенных в культуру навыков и позиций преданности своему сообществу на макроуровне, подкрепленных выразительно сформированной сферой эмоций. Советская общность оказалась слабой (ограничивающейся в повседневности до сферы навыков, ритуалов и индивидуальных выгод) и не выдерживающей конкуренции с интеграционной силой национального сообщества (что можно заметить, срав-

нивая Галицию с другими регионами Украины). На анализируемом пространстве восточнославянского мира это приводит – если обратиться к упомянутым рассуждениям Коллинза – к преобладанию комплекса черт, характерных для простонародных слоев (классов), что фрагментирует общества, радикально усложняя функционирование государства как высшего целого. Это происходит прежде всего в ситуациях самоограничения сильных, централизованных структур власти, которые веками строили русские. Следствием их ослабления, как правило, является не формирование инициированных снизу процессов общественной самоорганизации (эффективного построения структур низшего, а до некоторой степени также среднего уровня), а занятие своеобразного социального вакуума мафиозными структурами, а затем олигархической системой, которая «упорядочивает» возникший беспорядок. Причина такого положения вещей состоит в отсутствии национальной системы обязанностей, а также – что объединяет белорусов и украинцев (и русских) с поляками – отсутствие мещанского этоса, хорошо сформированного главным образом на европейской территории западнее Эльбы. Российская, а позже советская власть продемонстрировала большие умения в области формирования того, что в польском языке довольно неуклюже называется «социальной магмой», что оставило свой след на территориях, находящихся когда-то в зоне ее влияния, усложняя социальное развитие и реформы. На белорусских и украинских землях оба режима не позволили создать альтернативных структур (в понимании их институциональной эффективности), аналогичных московскому центру.

3. Государство – власть

В отношении поляков и русских к государству наблюдаются некоторые аналогии, поскольку обе нации имели свое государство или же (в случае поляков) после его утраты сохранили традиции, связанные с его функционированием – в отличие от украинцев и белорусов. Поляки, лишённые государственности в период формирования модерной нации, создали его сильную идею, миф. Как следствие, по отношению к собственному государству поляки проявляют позиции, эмоционально позитивные в аспекте его идеи (с ярко выраженным национальным контекстом), но намного слабее поддерживающие государство в его конкретном, институциональном измерении. Формирование сверху идеи нации интеллигенцией – шляхетского происхождения в родовом или культурном понимании – сопровождалось инициированными снизу процессами принятия высшей культуры в ее национальном измерении. В результате этого поляки переформулировали свое сообщество из политической шляхетской нации в культурную, охватывающую всю этническую общность, отличающуюся умением низовой (внегосударственной) самоорганизации с выраженной склонностью к инсurreкционной деятельности, направленной на достижение свободы (практически отсутствующей хотя бы в чешской и белорусской культуре). В последние десятилетия денационализация обществ Европейского Союза, проявляющаяся в ослаблении национальных позиций, приводит к их деэтизации (как и их атеизация). Это сопровождается распространением проматериалистических взглядов, массовой культуры, дистанцированием от высшей культуры как сложной и утомительной для общественных масс, несущей патристические, а следовательно, немодные ценности, отождествляемые с национализмом. Когда-то в процессе национального самоосознания народные массы по крайней мере частично входили в сферу высшей культуры (особенно в ее литературном измерении). В настоящее время вместе с продвижением по социальной лестнице они проходят мимо нее или же – как «новые интеллигенты» периода ПНР – нередко даже из нее выходят. Эти процессы имеют значительное влияние на трансформации идентичности польского общества, заметные особенно в поколенческом аспекте.

В то же время отношение русских к государству заметно отличается от того, которое характерно для поляков. Петр I поддержал (а отчасти заменил) российскую мессианскую идею Москвы как Третьего Рима российским чувством миссии – безусловно, имперского характера. Эта культурно-ментальная черта сопровождает русских в процессе их социализации (до той степени, что слово «имперский» приобретает в общественном дискурсе позитивную коннотацию). Институт государства имеет среди русских, в отличие от европейцев из «латинского мира», отсылающих к римским традициям, ярко выраженные византийские (бюрократия и иерархии) и татарские отсылки (абсолют власти и непостоянность государственных границ⁷). Если поляки в период формирования модерных обществ боролись за независимость против других государств (в том числе прежде всего с Россией), то войны, которые вели тогда русские, имели принципиально иной характер⁸. Если поляки не уважают иерархических учреждений, то русские боятся их распада, а в результате – хаоса и анархии, поскольку их способность к низовой самоорганизации довольно ограничена. Активность русских, как правило, возникает не из чувства свободы, достижения субъектности на индивидуальном уровне, интериоризации этосных ценностей (позиций) относительно их общности, а из под-

⁷ Влодзимеж Марциняк утверждает: «(...) в общественном восприятии доктрина Третьего Рима была подана трансформации в доктрине Святой Руси. В этой простонародной доктрине Третьим Римом было не московское государство, а сам православный народ, независимо от того, где он проживал. Россия, понимаемая как народное собрание – мир, не знала границ. Она была везде там, где жил русский православный народ. Каждое место, в котором жил народ, находилось в сакральных границах Святой Руси» [6, с. 18].

⁸ См., например, недавно изданные книги Э. Каррер д'Анкосс [4] и Е. Рохозинского [12].

чинения государству, боязни репрессий со стороны власти или же собственного эгоистического интереса.

Русские, что интересно, соединили в своей культуре черты, казалось бы, противоречивые: мессианско-миссионерский, сакрализованный (отсылающий к традиции православия или интернационалистической советскости) империализм с устойчивым чувством угрозы (а даже периодическим созданием себе врага/врагов), что возникает из частых войн, которые русские, как правило, развязывают сами, но считают их оборонительными, поскольку воспринимают свои имперские черты как норму. Русские считали/считают, что имеют право господствовать над другими (особенно более слабыми соседями). На протяжении веков они завоевывали все (за исключением норвегов) соседние народы и считали эти действия полностью обоснованными, иногда идеологизируя их, считая, что в этом состоит предназначение России, ее миссия, и что подчиняя себе другие страны и общества, она несет им едино верную идеологию (1920 год), свободу (после Второй мировой войны) и высшую культуру (в Центральной Азии XIX века). От европейцев русских отличает слабая склонность к самокритике, а этика западнохристианской Европы (периодически нарушаемая, но все же существующая и вызывающая позиции самокритицизма), которая регулирует отношения с другими (особенно более слабыми), чужда их культуре (по причине ее посттатарского основания). Русская идентичность строится вокруг силы государства, его непрерывности, чувства миссии и русскости, а также сдержанности православия (преданной Византии) по отношению к миру латинников, схизматиков, уничтоживших Константинополь, предавших христианский мир, с устами, полными высокопарных фраз⁹. В отличие от Запада, где государству отведена обслуживающая роль по отношению к обществу, в России оно значительной мерой является ценностью в себе. Сегодня Россия возвращается к мышлению о себе как об истинно христианской стране, которая до определенной степени имеет миссионерский характер по отношению к декадентскому Западу, а отчасти является манипуляцией российским видением консерватизма. Россия тогда апеллирует к консервативным ценностям как собственной традиции царской эпохи, могущей интегрировать общество и защищать его от миазмов Запада, разрушения уз и процессов, разлагающих западнохристианскую часть континента.

Живущие на протяжении пары столетий в пределах царского государства и под влиянием русской культуры украинцы и беларусы (последние лишь с конца XVIII века), были подвержены политике культурного (до определенной степени этнического) деления вдоль религиозных границ, что, согласно политике Санкт-Петербурга, радикально тормозило развитие их национальной субъектности, идентичности. В Российской империи у них не было шансов сформировать собственные социально значимые элиты, позитивное отношение к собственной культуре, в том числе к языку, а тем более – что очевидно – лояльность к собственному (несуществующему) государству или же самой его идее, которая явно выходила бы за границы чувства регионализма в рамках общерусского сообщества. В СССР чувство региональной обособленности советско-республиканского характера значительно усилилось, что, несомненно, спасло восточнославянские народы, особенно беларусов, от полной идентичностной русификации (имевшей место в случае этнически беларуской Смоленщины, которую в свое время большевики обещали включить в состав Беларуси, создаваемой после Первой мировой войны). После того, как в XIX веке беларусам и украинцам из бывшей Речи Посполитой было навязано православие, сформированный в российско-русском культурном ареале социальный механизм (опирающийся, в частности, на цезаропапизм) не давал им возможности – как, например, полякам, литовцам, латышам и эстонцам и галицким украинцам в Габсбургской монархии – эффективно противостоять Санкт-Петербургу и русской культуре в такой степени, в которой возможно было бы создание сформированных национальных сообществ. Православные элиты на восточнославянском пространстве никогда не инициировали сепаратистской деятельности по отношению к российскому центру, в отличие от католических обществ (примером чего могут послужить литовцы и галицкие украинцы). В Украине это явление наблюдается лишь в последнее время, в независимом государстве. Беларуская церковь сохраняет свой пророссийский характер и является продолжением московского центра. Традиция построения в России (независимо от ее политическо-идеологических трансформаций) сильных вертикальных структур (связей) власти и слабость структур (связей) горизонтальных, при слабо сформированных способностях к низовой активизации и слабости этносо-общностных позиций, приводит к проблемам, с которыми оба государства (общества) сталкиваются после достижения независимости в 1991 году. Сложные реформы всегда требуют самопожертвования, соответствующей базы ценностей и позиций, чувства общности, поэтому в Беларуси они не проводятся, а в Украине приводят к опасным политическим сотрясениям.

Президент Лукашенко, который довольно хорошо улавливает настроения в беларуском обществе, как типичный гомо постсоветикус строит государственно-политическую обособленность организма, который

⁹ Татьяна Ворожейкина, бывшая аналитик Левада-Центра, описывая отношения русских к Западу, утверждает: «[У]силиваются имперский ресентимент. Он состоит в зависти к придуманному унижающему и оспариванию ценностей агрессора. “Запад живет лучше от нас, боится нас, ненавидит, а люди на Западе – эгоистические материалисты, лишённые русской духовности” – так низкое чувство собственного достоинства переходит в чувство превосходства. Российская пропаганда утверждает телезрителей в мнении, что такие ценности, как демократия и права человека, во-первых, угрожают русской духовности, а во-вторых, являются лицемерием, потому что на Западе все можно купить» [13, с. 99–100].

он возглавляет, в рамках общерусской культуры, связывающей Минск с Москвой и Киевом. Как следует из проведенных несколько лет тому назад исследований, белорусы все больше принимают собственный путь развития, отдельный от (про)российского и (про)западноевропейского (евросоюзного), однако в большинстве своем считают (в 2006 и 2009 г. – около двух третьих), что вместе с русскими и украинцами они творят «три ветви одного народа» или же «один народ» вместе с русскими (в 2005 г. – около 57%) [9, с. 274–275]. Значительная часть белорусов все еще чувствует себя «младшим братом» по отношению к «старшему» – русскому народу. Такое мышление навязывает им, а также украинцам, Москва. Российское чувство превосходства было частью концепции регионализованной русскости, состоящей из центра (Москвы с ее высокой культурой, имеющей высокий статус в мире) и окраин, как в территориальном, так и в культурном понимании. Украинцы в результате событий Майдана 2014 года – в ситуации экономическо-политической зависимости от России, что сделало проведение реформ невозможным – начали деятельность, целью которой было отделение от Москвы в аспекте экономическом, политическом и общественном, совершая таким образом попытку порвать с русскостью в ее московском понимании. По мнению Миколы Рябчука, в настоящее время мы наблюдаем формирование украинского гражданского, политического, внеэтнического сообщества, отдельного от российского. «Необычайное развитие инклюзивной гражданской идентичности в Украине, – пишет известный киевский интеллектуал, – опирающейся преимущественно на совместные ценности, а не на этнические или языковые черты, является загадкой для российских пропагандистов, все еще популяризирующих «русский мир» в понимании совместной истории и религии, языка и культуры, крови и земли. Они не перестают “защищать русскоязычных земляков” в Украине и за ее пределами, полностью игнорируя тот факт, что Украина так же является домом для русскоязычного сообщества, как и для украиноязычного и всех тех, кто «земляками» считает скорее своих разноэтничных сограждан, чем граждан Российской Федерации» [11, с. 247–248]. Незавершенный на анализированном пространстве (за исключением Западной Украины) процесс национального самоосознания обществ, в большей или меньшей степени находящихся в рамках русскости, облегчает – несмотря ни на что – построение сверхэтнических сообществ, более или менее политических. С другой стороны, этому не благоприятствуют рудименты советскости, слабость (непривлекательности) государств и их экономик, что решительно ограничивает формирование програжданских позиций, а также характерную для общерусского культурного ареала активизацию индивидов в повседневной жизни исключительно в рамках первичных групп и их склонность убегать от активистских отсылок, имеющих идейный, этосный характер. Стремительные трансформации сознания сопровождаются сильными конфликтами, в том числе военного характера, создающими барьеры между собственной стороной и появившимся противником. Процессы перехода от одного типа сверхлокального (идеологического) сообщества (идентичности) – например, советско-русского – к другому сообществу подобного масштаба – например, национальному – являются процессами продолжительными, длящимися больше чем несколько или десять с небольшим лет.

4. Заключение

На идентичность русских влияют обусловленные традицией культурные качества, характеризующиеся: а) в религиозном измерении – мессианизмом¹⁰; б) в государственно-имперском измерении – миссионизмом; в) в духовном измерении – метафизичностью. Их влияние на украинцев и белорусов ограничено. Они не переняли от русских – если не принимать во внимание сильно русифицированные узкие круги – имперских склонностей, а также тенденции к ярко выраженной сакрализации (проявляющейся у русских в форме мании величия, совершенства, превосходства всего русского – также святости во внебожественном понимании) [3, с. 63–64], сильного идентифицирования с государством. Зато русским присуща склонность к построению вертикальных структур власти и ее культа (при слабым идентифицировании с ними), пропасть между частной и публичной сферой (элитой и «народом»), недостаточные умения в области общественной самоорганизации и создания сферы обязанностей, выходящих за рамки их первичных групп. Это соотносится с тем содержанием русской культуры, которое проявляет ярко выраженную склонность к дихотомизации. Если не принимать во внимание упомянутую выше пропасть между частной и официальной сферой, культуру обществ на анализированном пространстве Европы отличает значительный разрыв между словесным уровнем провозглашаемых идей и противоречащей ему прагматикой повседневной жизни, что имеет связь с богатой традицией внутренней духовности русских, сосуществующей с традиционным для них отсутствием внешней свободы (богатый мир мистики и метафизики против убогого по сравнению с ним мира повседневных реалий, эгоизмов и беспощадности). Ален Безансон пишет о значимом для культуры лжи разрыве между двумя терминами (и понятиями), обозначающими истину, которые, однако, явно отличаются друг от друга своим семантическим наполнением: *истина* – едина, неповторима и происходит первоначально из Священного Писания, тогда как *правда* субъективна, правд существует много, поскольку

¹⁰ Согласно утверждению Николая Бердяева, «После народа еврейского, русскому народу наиболее свойственна мессианская идея, она проходит через всю русскую историю вплоть до коммунизма» [1, с. 36].

ку много есть возможностей человеческих оценок социальной действительности¹¹. «Именно это позволяет русским лгать искренне, от всего сердца (что часто замечают иностранцы)» [3, с. 36]¹². К этим дихотомиям, возбуждающим интерес на Западе, можно добавить значительно больший, чем в Западной и Центральной Европе, разрыв между городом и деревней (по причине которого советская власть, желая предотвратить массовое бегство колхозно-совхозного населения в города, на протяжении нескольких десятилетий не выдавала значительной части своих граждан паспортов, которые позволяли перемещаться по стране).

Советизированная русскость в своем социально-культурном, общественном, цивилизационном измерении испытывает огромные сложности с адаптацией к современному миру демократии и рыночной экономики, созданному когда-то в западной части континента. Она лучше функционировала – в отличие от той же Польши – в реалиях советского строя, придуманных в свое время в Петрограде и Москве. Российские попытки демократизации и экономической либерализации в 90-е годы потерпели поражение – и россияне основывают свое существование в значительной степени на экспорте энергоносителей, беларусы даже не пытались начать реформы – и своей стабилизацией обязаны значительным образом финансовой поддержке России, украинцы же совершают такие попытки, демонстрируя огромную массу проблем, которые необходимо преодолеть. У стран Вышеградской группы и балтийских республик проблем такого рода гораздо меньше. Без сомнения, здесь мы имеем дело с разными культурными механизмами возникновения обществ на уровне экономики, политики... Эти различия имеют, что очевидно, также идентичностное измерение, могут быть подвержены эволюции и не являются неизменными.

Перевод с польского – Андрий Савенец

Литература:

1. Бердяев Н. А. Русская идея / Николай Александрович Бердяев. – Санкт-Петербург : Азбука-Классика, 2008. – 318 с.
2. Геллер М. Машина и винтики : история формирования советского человека / Михаил Геллер. – Москва : «МИК», 1994. – 335 с.
3. Besançon A. Święta Ruś / Alain Besançon ; przeł. Łukasz Maślanka. – Warszawa, 2012. – 148 s.
4. Carrère D'encausse H. Euroazjatyckie Imperium Rosyjskiego od 1552 do dzisiaj / Hélène Carrère d'Encausse ; przeł. Krystyna Antkowiak. – Kęty : Wydawnictwo Marek Derewiecki, 2014. – 356 s.
5. Collins R. Konfliktowa teoria stratyfikacji / Randall Collins; tłum. Przemysław Sadura // Współczesne teorie socjologiczne / wybór i oprac. A. Jasińska-Kania, L. M. Nijakowski, J. Szacki, M. Ziółkowski. – T. 1. – Warszawa, 2006. – S. 482–502.
6. Marciniak W. Rozgrabione imperium. Upadek Związku Sowieckiego i powstanie Federacji Rosyjskiej / Włodzimierz Marciniak. – Kraków : Arcana, 2004. – 589 s.
7. Nadskakuła O. Kategorie “swój” i “obcy” w rosyjskim myśleniu politycznym / Olga Nadskakuła. – Kraków : Księgarnia Akademicka, 2013. – 418 s.
8. Radzik R. Rosyjski imperializm wspólnotowy. Trójjedyny naród ruski w badaniach socjologicznych / Ryszard Radzik. – Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2016. – 216 s.
9. Radzik R. Trójjedyny naród ruski czy odrębne wspólnoty narodowe? / Ryszard Radzik // Przegląd Wschodni. – T. XIII. – 2014. – Z. 2 (50). – S. 253–301.
10. Riabczuk M. Wschodniosłowiańska “umma” a problem emancypacji ; o słabej tożsamości Ukraińców i Białorusinów / Mykoła Riabczuk // Tożsamości zbiorowe Białorusinów / red. R. Radzik. – Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2012. – S. 353–383.
11. Riabczuk M. «Wspaniały lud słowiański». Rosyjskie stereotypy Ukraińców – od wyobraźni imperialnej do postimperialnej rzeczywistości / Mykoła Riabczuk // Narody & stereotypy 25 lat później. Nowe granice, nowe horyzonty / red. R. Kusek, J. Purchla, J. Sanetra-Szeliga. – Kraków : Międzynarodowe Centrum Kultury, 2015. – S. 222–249.
12. Rohoziński J. Bawełna, samowary i Sartowie. Muzułmańskie okrainy Rosji 1795–1916 / Jerzy Rohoziński. – Warszawa : Wydawnictwo Akademickie Dialog, 2014. – 808 s.
13. Zmarnowaliśmy ćwierć wieku. Z rosyjską politolożką Tatianą Worożejkiną rozmawia Zbigniew Rokita // Nowa Europa Wschodnia. – 2015. – Nr 5.

¹¹ Следствием российского культа силы – что заметно хотя бы по активности русских на международной арене – является то, что правда понимается как что-то, устанавливаемое в ходе политических переговоров.

¹² Хотя Безансон и меняет местами значения обоих терминов, выводы он делает правильные.